

СОВЕТСКИЕ ШКОЛЫ В МАНЬЧЖУРИИ В 20 – 50-Х ГГ. XX В.

В конце XIX – начале XX века в Китае сложилась многочисленная русскоязычная диаспора. После Октябрьской революции, гражданской войны, а затем и коллективизации поток беженцев устремился в Китай. В Маньчжурии русскоязычная диаспора просуществовала более пятидесяти лет.

Воспитание и образование детей, растущих в чужой этнической среде, составляли одну из главных задач российских эмигрантов в Китае. В историографии, посвященной изучению русской колонии в Китае, преимущественно внимание уделяется эмигрантским школам [1, с. 82]. Помимо эмигрантских школ в Маньчжурии существовали и советские учебные заведения. В представленной работе предпринята попытка проанализировать историю появления и развития советских школ в Маньчжурии, их роль в формировании советской колонии в Маньчжурии и в дальнейшем реэмиграции советских граждан в СССР. В качестве источниковой базы исследования использовались воспоминания эмигрантов, опубликованные в сборнике журнала «Политехник», издававшегося в Австралии.

С самого начала постройки КВЖД в ее полосе отчуждения предполагалось устроить сеть школ для детей русского персонала КВЖД. До революции 1917 г. в полосе отчуждения было 10 одноклассных и 12 двухклассных начальных училищ, в которых обучались 3036 учеников в соответствии с программами министерства народного просвещения Российской империи [1, с. 82].

К моменту перехода КВЖД в совместное советско-китайское управление в 1924 г. руководство системой образования русских школах Маньчжурии было возложено на два органа: Комитет образовательных учреждений – распорядительный орган, на который возлагалась работа со школами, содержавшимися за счет КВЖД, и Комитет по делам высших и специального типа учебных заведений [1, с. 87].

С переходом КВЖД в совместное советско-китайское управление эмиграция лишилась контроля над всеми учебными заведениями железной дороги. Помимо китайских органов управления ряд советских школ Маньчжурии был напрямую подчинен Отделу народного образования (ОНО) СССР в особом районе восточных провинций. Для советской стороны было трудно установить свой контроль над теми учреждениями, которые были расположены в Харбине и получали лишь субсидии от КВЖД [1, с. 104].

Получение советского гражданства привело к разделению русского населения Маньчжурии на советскую и антисоветскую части (на «красных» и «белых»), что не могло не сказаться и на детских образовательных учреждениях [2]. Дети советских граждан и работников КВЖД учились в советских школах.

В число советских в г. Харбине входили четыре средних школы, в том числе Харбинское коммерческое училище. Всего к 1931 г. КВЖД (Китайско-Восточная железная дорога) имела 29 учебных заведений для детей советских граждан: 11 школ I ступени, 11 школ II ступени, детский сад и 6 школьных общежитий. По программам советской средней школы велись занятия и в 1-й железнодорожной гимназии,

в которую в 1925 г. была переименована известная гимназия им. Д.Л. Хорвата [3]. Эмигрантские школы продолжали придерживаться дореволюционной системы обучения, принятой в классических гимназиях или в реальных училищах.

На небольших станциях, где не было начальных школ, учащиеся были вынуждены уезжать в интернаты для детей советских служащих в Харбине. Преподавательский состав советских школ состоял преимущественно из «старых» кадров, что благоприятно сказывалось на качестве обучения. Один из школьников Анатолий Петрович Анфалов вспоминал: «Сейчас, по прошествии стольких лет, я думаю о том, как умно и умело тогда проводилась у нас идеологическая работа. Нас не учили, что такое "коммунизм", мы не знали, что такое «пионер», «комсомолец», что такое «партия», не было в школе и никаких лозунгов, портретов, всяких «Будь готов! Всегда готов!»» [4].

В советских школах учебный и воспитательный процесс был организован по типу школ в СССР. Организатором и руководителем школьного коллектива являлся заведующий школой, он же был председателем педагогического совета. Связь с родителями устанавливалась через родительские комитеты, представители которых состояли в педагогическом совете. Классом руководил классный наставник, который назывался классным руководителем, а с ликвидацией классов – групповодом.

В школах существовали санкомиссии, которые являлись первичной формой организации детей. Члены таких комиссий под руководством врачей дежурили у входа в школу, проверяли чистоту рук и помещений, вывешивали санитарные плакаты, создавали санитарные уголки с медикаментами для оказания первой медицинской помощи. Школьной формы у советских детей, как таковой, не было. Мальчики носили черные гимнастерки, а девочки – синие блузы.

Для развития в детях навыков к труду и самодеятельности по самообслуживанию школы и семьи почти при всех школах существовали мастерские, в которых учащиеся обучались столярному, слесарному, картонажно-переплетному делу, выпиливанию и выжиганию по дереву. Некоторые школы имели земельные участки, используемые под школьно-показательные садики [3].

Широкую образовательную и воспитательную работу вели школьные кружки. Основой таких кружков была проработка программного материала с отстающими в учебе. В старших классах под прикрытием работы в школьных кружках и факультативах (электротехники, обществоведения, пожарного и санитарного дела) наряду с основным профилем занятий велось знакомство с основами политической экономии марксизма-ленинизма [3].

Отличие от эмигрантских школ советские школы придерживались советской системы образования и работали по программам школ СССР, практиковавшим широкие эксперименты в области школьного образования.

Литература в школах изучалась по хрестоматии, основной акцент делался на противопоставление положительных и отрицательных героев, в то время как в эмигрантских школах учили по «бескрайней мировой литературе». Из программы советских школ КВЖД был исключен Закон Божий, а священнослужители, преподававшие его, были уволены. Помимо этого был введен новый предмет – обществоведение, призванный вырастить из детей будущих «строителей коммунизма» [3].

Несмотря на то что русская школа в 1920-е г. была разделена на российскую и советскую, это не мешало им достаточно мирно сосуществовать. К началу 1930-х г. в Маньчжурии действовало 74 русских учебных заведения, в которых обучалось 17 583 человека, не считая вузов, спецшкол и кратковременных курсов. Из них 43 работали в Харбине, 32 – на линии дороги. Общее число русских учащихся к концу 1931 г. составляло около 18 000 человек [5, с. 127].

Переломным моментом в жизни советской части русской диаспоры в Китае стал 1935 г. Продажа КВЖД, согласно соглашению между СССР и Маньчжоу-гоу 1935 г., привела к тому, что советские граждане стали покидать Маньчжурию. К концу 1935 г. из Китая в СССР выехало 21343 человек [6, 104]. Это были рабочие и служащие КВЖД, их семьи, пенсионеры и рабочие предприятий, связанные с КВЖД. В результате массового выезда в СССР советская колония в Китае значительно уменьшилась, а массовая реэмиграция прекратилась. Это привело к тому, что советские школы стали закрываться, а школа при КВЖД перешли под контроль новых владельцев железной дороги. Еще одной причиной послужило начало полномасштабной агрессии Японии в Китае в 1937 г., в результате чего работа советских консульств во многих городах Китая была приостановлена [7, с. 81].

После окончания Второй Мировой войны численность русских эмигрантов, принявших советское гражданство, резко возросла. Советской контрразведкой были арестованы многие эмигранты, сотрудничавшие с оккупационными японскими войсками и состоявшими в антисоветских организациях. Советское правительство развернуло наступление не только на все эмигрантские институты в Маньчжурии, но стало вести и систематическую коммунистическую пропаганду и предприняло ряд шагов, ставивших целью превратить Маньчжурию в сферу своего влияния. Это относилось и к системе школьного образования. В средних школах были введены учебные программы СССР, программы на выпускных экзаменах на аттестат зрелости [8, с. 126].

В 1945 г. в Харбине были открыты 4 советские средние школы, преподавателями этих школ оставались старые педагоги, которым нужно было пройти курс подготовки с учетом новых условий и новых требований. Они должны были прослушать курс лекций и сдать экзамены. В 1951 г. по инициативе администрации Русского отдела департамента народного просвещения в Харбине были открыты двухгодичные педагогические курсы в составе двух факультетов: словесно – исторического и математического, среди учащихся были учителя младших классов, поступившие для повышения квалификации. Занятия проходили по вечерам. Весной 1953 г. состоялись выпускные экзамены. В том же году курсы прекратили свое существование [9, с. 112].

При третьей школе в Харбине был основан в конце 1949 г. «Педагогический кабинет» с библиотекой, включавшей методические пособия по разным предметам, словари, справочники, газеты, журналы. В педагогическом кабинете преподаватели всегда могли найти ответы на интересующие их вопросы в области преподавания. С 1946 по 1953 г. в августе проводились в Харбине двухнедельные конференции преподавателей, на которые съезжались около 500 человек из школ Маньчжурии. На этих заседаниях обсуждались и рекомендовались методы работы, составлялись планы на предстоящий учебный год [8, с. 126].

В связи с отъездом русского населения в Маньчжурии началось повсеместное

сокращение численности школ. Так, например, в Харбине вторая и третья школы объединились и получили название второй школы. Четвертая школа вошла в состав первой. Последняя советская школа в Харбине прекратила свое существование в 1960 г., когда основная масса советских граждан переехала в Советский Союз [8, с. 126].

По мнению Н. В. Райан, советская система образования в Маньчжурии оказала значительное влияние на молодое поколение, родившееся и выросшее в Китае [10, с. 98]. Это приводило к конфликтам между поколениями. Люди старшего поколения разделяли такие понятия, как русское и советское, а дети, воспитанные в советских школах, воспринимали советский строй и идеологию в СССР как неотъемлемую часть своей далекой Родины, в которую они стремились попасть.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: советские школы появились для обучения детей советских граждан и напрямую зависели от численности советской колонии в Маньчжурии, от того, к кому принадлежит КВЖД. Продажа КВЖД и эвакуация основной части советской колонии в СССР привели к прекращению деятельности советских школ, а их возобновление стало возможным после освобождения Маньчжурии и перехода КВЖД в совместное пользование Советского Союза и Китая. Передача КВЖД и возвращение в СССР советских граждан привело к прекращению деятельности советской системы образования в Маньчжурии, которая немало поспособствовала советизации значительной части русского населения и как следствие их реэмиграции на историческую Родину.

Литература:

1. Мелихов, Г.В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925-1932). – М.: Русский путь 2007. – 281 с.
2. Новоселов М. Ю. Советские детские и молодежные организации на территории Маньчжурии в 20 – 30-х. г. XX в. Молодежь и наука: сборник материалов VIII Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 155-летию со дня рождения К.Э.Циолковского [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2012/index.html> - Красноярск: Сиб. федер. ун-т., 2012
3. Потапова И. В. Русская школа в Маньчжурии. 1898–1945 годы. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.dvbook.ru/istorich_knigi_potapova.htm
4. За колючей проволокой Урала. Часть II Богословла. Дневники Анатолия Павловича Анфалова. Тетрадь первая [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://my.krasnoturinsk.ru/books/raegle/chart17.htm>
5. Михайлов С. Школа и жизнь (на 1931 год.) // Политехник. Sydney Australia. – 1979. – № 10 С. 127
6. Аблажей, Н. Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. / Н. Н. Аблажей. – М.: Логос, 2007. – 298 с.
7. Новоселов М. Ю. Процесс и этапы русской реэмиграции из Китая на территорию СССР. // *Perspektywy rozwoju nauki we współczesnym świecie / Materiały Międzynarodowej Naukowo-Praktycznej Konferencji.* Kraków, 2012. С. 80 – 84.
8. Золотарева Т. Советские школы в Харбине (с 1945 года) // Политехник. Sydney Australia. – № 10. С. 126
9. Педагогические курсы в Харбине (1951 – 1953 г.) // Политехник. Sydney Australia. – № 10. С. 112
10. Райан, Н. В. Россия-Харбин – Австралия: Сохранение и утрата языка на примере русской диаспоры, проживавшей XX веке вне России / Н.В. Райн. – М.: Русский путь, 2005. – 208 с.